

ПРОБЛЕМЫ ЭТНОКОНФЕССИОНАЛЬНЫХ ГРУПП ДУХОБОРЦЕВ И МОЛОКАН

Светлана ИНИКОВА

Появление в России сект духоборцев и молокан¹ (или духовных христиан) можно отнести приблизительно к рубежу XVII—XVIII вв. В основе молоканского и духоборческого учений лежали идеи западного протестантизма (немецкого анабаптизма, польского социнианства), а социальной базой сект стало свободное крестьянство. В их учениях были идеи, подрывавшие устойчивость государства (непризнание божественного происхождения верховной власти и земных законов, отказ от насилия вплоть до отказа от защиты отечества, идея избранности и т. д.), поэтому они всегда были гонимы — и в царское время, и потом в советское. В начале XIX в. духоборцы и небольшая часть молокан с разрешения правительства переселились и компактно проживали в Таврии (Мелитопольский уезд) изолированно от русского народа. Большая же часть молокан продолжала жить в южно-русских и центральных губерниях среди православного населения. В 1841—1845 гг. духоборцы были выселены в административном порядке из Таврии в Закавказье. Туда же в 40-е годы началось добровольное массовое переселение молокан из Тамбовской, Самарской и других губерний России. Они основывали в Закавказье компактные поселения, главным образом на территории современных Азербайджана и Армении, хотя много молокан продолжало оставаться во внутренних губерниях России.

Поскольку в XVIII и XIX вв. слово «православные» воспринималось как синоним слова «русские», духоборцы и молокане, ра-

зорвавшие с православной церковью, осознавали себя не русскими², а особыми народами Божиими. Конфессиональные особенности этих сект наложили сильный отпечаток на их культуру, которая, несмотря на свою русскую основу, приобрела существенные отличия от культуры их этноса. Осознание своей культурной и религиозной особенности, богоизбранности, общего исторического прошлого и позитивная этноконфессиональная идентичность (высокая, если не сказать завышенная, оценка «своего народа») в сочетании с негативным восприятием культуры и религии русского народа и соседей-кавказцев — все это являлось сущностью того механизма, благодаря которому они консолидировались и смогли на протяжении длительного времени существовать и сохранять свою уникальную культуру.

Этот механизм начал давать сбои еще на рубеже XX в. В первые десятилетия советской власти, которая провозгласила атеизм государственной идеологией и использовала в борьбе с религией все имевшиеся в ее распоряжении средства, процесс его разрушения пошел значительно быстрее. С падением религиозности и разрушением культурной обособленности постепенно утрачивалась основа для консолидации. К середине 80-х годов представителей каждой из этих двух сект, и верующих, и уже далеких от религии, объединяло самосознание, в основе которого лежала не столько религиозная, сколько культурно-историческая идея. Общины³ кавказских духоборцев и молокан объединяли еще и общность территории и фактор иноэтничного окружения.

Все духоборцы и молокане, прошедшие советскую школу, знали, что по национальности они русские, тем не менее они гордились причастностью к своим группам. Эта в целом позитивная этноконфессиональная идентичность все же создавала некоторую дистанцированность от русского народа. Вместе с тем позитивная идентичность давала надежду, что в условиях либерализации политического режима возможно возрождение этих русских сект.

В конце 80-х лидерам духоборческого и молоканского движений казалось, что достаточно не на бумаге, а на деле дать людям свободу совести, прекратить мелочный контроль со стороны государства, и у них хватит собственных сил, желания и энтузиазма возродить традиции, высокую нравственность, привлечь тех,

кто, считая себя молоканами или духоборцами по происхождению, отошел от религии и не принимал никакого участия в духовной жизни общин.

Этот подъем в среде духоборцев и молокан совпал с развитием националистических движений в Закавказье. Антирусская истерия, начавшаяся в средствах массовой информации республик, расселение по национальным квартирам стимулировало у кавказских молокан и особенно у духоборцев быстрый рост этнического самосознания. В сложных условиях межнациональных конфликтов им надо было определиться, кто они. Начало 90-х годов характеризовалось поиском новых идентичностей и массовыми переселениями кавказских духоборцев и молокан на «историческую родину» в Россию. Вместе с тем лидеры этих групп понимали, что расселение переселенцев по стране среди русского населения приведет к их быстрой ассимиляции, утрате наследия предков и к еще большему ослаблению этих конфессий в целом, так как наиболее крепкие общины были как раз в Закавказье. Массовое переселение из Закавказья в Россию как бы подстегнуло, ускорило процесс институализации этих сект, создание местных и центральных представительных и руководящих органов, призванных представлять их интересы на всех государственных уровнях.

Сейчас, почти десять лет спустя, хорошо видны проблемы, которые надо было решить духоборцам и молоканам, и то, в какой степени это удалось сделать.

Чтобы возродить эти религиозные группы, надо было остановить прямо-таки катастрофическое падение их численности и омолодить состав, поднять уровень конфессионального самосознания и религиозности, надо было создать центральные органы и выдвинуть лидеров, способных выработать программу и пути ее реализации.

Сокращение числа верующих в молоканских и духоборческих общинах началось еще в 30-е годы и шло в нарастающем темпе. Для многих общин этот процесс заканчивался самоликвидацией. Например, на Украине в Мелитопольском уезде еще в 20-е годы в селе Астраханка было семь молоканских общин и столько же молитвенных домов, в селе Нововасильевка — пять общин и молитвенных домов. В начале 90-х годов в этих селах было по одной общине. Такая картина наблюдалась повсеместно. К на-

чалу 90-х годов в большинстве молоканских общин даже в сельской местности было по 15—60 человек, но было много и таких общин, которые состояли всего из нескольких верующих. Этот же процесс шел и среди духоборцев. В самой многочисленной и крепкой духоборческой общине села Гореловка в Грузии на моления собиралось по 20 человек и только в праздники их число увеличивалось до 50. Это было связано с атеистическим воспитанием, с развитием средств массовой информации и со стандартизацией культуры, с оттоком молодежи в города и, конечно, с политической государства в отношении религиозных объединений, особенно сект. В результате была нарушена преемственность поколений. Численное сокращение религиозных общин и их старение вело к тому, что регенерация духоборческой и молоканской культур не могла происходить в полном объеме и на прежнем уровне. Их культура утрачивала свою специфику.

Многие молоканские общины из-за малочисленности прекращали регистрироваться и теряли свой юридический статус, хотя он и немного значил в те годы. Регистрацию обычно рассматривали как возможность сохранить за общиной молитвенный дом. Соборания нелегально существовавших общин проходили в частных домах, но официально их уже как бы не существовало. К 1990 г. по всей стране было зарегистрировано всего лишь менее полусотни молоканских общин. Общины кавказских молокан, проживавшие в сельской местности, вообще не считали нужным регистрироваться, так как в селе они всегда могли найти дом для собраний. Иногда колхоз выделял им помещение, а местная администрация не обращала на это внимания, ограничивая атеистическую работу рамками школы.

Духоборцы никогда не регистрировали свои религиозные объединения, и в 1988 г. на запрос в Совет по делам религий о проживающих в Советском Союзе духоборцах был получен ответ, что все они выехали в Канаду в конце XIX в.

Такое положение с регистрацией вполне удовлетворяло и местные власти, так как не портило картину религиозной ситуации, и самих сектантов, поскольку им не надо было ни перед кем отчитываться, да и деятельность их сводилась к молитвенным собраниям и поддержанию в порядке культовых мест. Никакой общественной, а тем более миссионерской деятельности они не вели, так как это было просто невозможно.

Чтобы начать деятельность по возрождению молоканства и духоборчества, надо было прежде всего создать руководящие органы. Духоборцы и молокане в СССР не имели центральных организаций. Еще до революции после некоторой либерализации законов в 1904—1905 гг. молокане неоднократно пытались объединиться и создать организационные структуры, созывали съезды, но реального объединения разобщенных молоканских общин Закавказья, Южной и Центральной России, не говоря уже о Сибири и Дальнем Востоке, не произошло.

Духоборцы до конца XIX в. подчинялись своим духовным вождям, возведенным в ранг «христов» (или «богородице») и решению съездов представителей всех сел, расположенных в Закавказье и Карсской области. Неоднократные расколы и переселения в конце XIX в. — начале XX в. сильно подорвали единство секты и ослабили ее. Репрессии, начавшиеся в конце 20-х и продолжавшиеся до конца 30-х годов, вырвали из рядов духоборцев самых убежденных и авторитетных людей, и всякие попытки организоваться были подавлены в зародыше.

В течение 90-х годов в целях объединения духоборцы и молокане провели ряд съездов. Для подготовки первого молоканского съезда И. Александров в 1990 г. начал издавать возрожденный журнал «Духовный христианин», в котором печатались подготовительные материалы. Весной 1991 г. в разных регионах страны начали создаваться союзы общин или комитеты духовных христиан-молокан данного региона во главе со старшим пресвитером или председателем. Оргкомитет по подготовке съезда в апреле того же года начал выпускать информационный листок «Весть», с помощью которого собирался информировать общины о ходе подготовки съезда. Незадолго до съезда была создана благотворительная ассоциация «Община», декларированной целью которой было «возрождение молоканства». Инициатором ее создания, как и созыва съезда, стал И. Александров, сыгравший большую положительную и столь же отрицательную роль в молоканском движении.

Первый съезд духовных христиан состоялся в Москве в июне 1991 г. На съезд приехали представители более 60 общин, а членами созданного Союза общин духовных христиан-молокан СССР стали более 40 общин. Некоторые вступали единолично. Знаменательно, что Союз был открыт для всех течений молокан-

ства. Он должен был возродить молоканство и связать разрозненные общины всех направлений. Однако на деле членами его стали только постоянные молокане. На съезде был принят Устав, а в старшие пресвитеры рукоположен И. Александров.

Следом за молоканским съездом с разрывом в две недели в Целинском районе Ростовской области состоялся Всесоюзный съезд духоборцев. Накануне его созыва в Целинском районе, где проживают духоборцы, переселившиеся туда еще в 1921—1923 гг., уже было зарегистрировано «Религиозное объединение духовных борцов Христа в СССР». Инициатором регистрации и одним из главных инициаторов созыва съезда стал Ю. Крыжановский, человек, далекий от какой-либо веры, преследовавший личные корыстные интересы и в дальнейшем принесший духоборческому движению много неприятностей и разочарований. В свидетельстве о регистрации Ю. Крыжановский определил вероисповедную принадлежность духоборцев следующим образом: «Православная христианская этническая группа раскольников». Однако поскольку религиозное объединение было уже зарегистрировано, с тем духоборцы и пришли к Всесоюзному съезду. Он вылился в большое собрание наподобие партийных; делегатов на съезде было немного. Обсудили современные методы повышения продуктивности земли и развитие малых предприятий по переработке сельхозпродукции, затем решали организационные вопросы. Никакие сугубо духоборческие, а тем более духовные проблемы не поднимались. Положительным было то, что съезд дал толчок поиску путей объединения духоборцев, и на нем был избран Совет духоборцев СССР из 15 человек. Он должен был руководить между съездами, а для организации переселения и связи с государственными структурами был избран исполком. Съезд обратился ко всем духоборцам страны с призывом «более активно возрождать традиции, нравы, обычаи, обряды духоборцев». Всем духоборцам съезд рекомендовал «использовать все возможности для возрождения и создания духоборческих общин и других форм, наиболее подходящих для совместной работы и безбедной, зажиточной жизни».

Для того, чтобы отмежеваться от Ю. Крыжановского и создать крепкую, поддерживаемую всеми духоборцами организацию, летом 1992 г. в селе Архангельское Чернского района Тульской области, куда в 1989—1991 гг. переселилась часть кавказских духо-

борцев, был созван второй чрезвычайный съезд. Он оказался более многочленным и представительным, чем первый. На нем был принят устав и решено перерегистрировать духоборческую организацию под новым названием — «Объединение духоборцев России», так как после распада Советского Союза прежнее название уже не отражало действительной ситуации. В уставе было оговорено, что в Объединение на равных могут входить духоборческие общины из СНГ.

Центральные органы молоканского и духоборческого объединений сразу же взялись за решение переселенческого вопроса. Уже в ноябре 1991 г. совет Союза общин ДХМ постановил создать Комитет содействия переселенцам-молоканам. Этот комитет искал земли для переселения общин из СНГ, чтобы сохранить их и тем самым возродить молоканскую культуру на новом месте. Союз общин ДХМ обращался в высшие инстанции вплоть до президента с просьбой о помощи переселенцам. Совет Союза составлял необходимую документацию, сметы, проект будущего поселения. Он добился выделения для переселенцев земель в Черномском районе Тульской области.

Созданный на первом духоборческом съезде исполком по переселению со своей миссией не справился. Была сделана попытка создать внутри совета специальный комитет по переселению, но он тоже оказался неработоспособным, и его функции взял на себя совет Объединения духоборцев России, который выступал в качестве юридического лица от имени переселенцев.

Деятельность центральных органов и реализация программ по возрождению молоканства и духоборчества были невозможны без материальных средств. И. Александров с самого начала объединительного молоканского движения выдвигал вопрос о создании предприятий, средства от которых пошли бы на помощь переселенцам из Закавказья, на финансирование журнала, содержание редакции и на необходимые организационные расходы Союза общин ДХМ. Ассоциация «Община» как раз и должна была объединить руководителей молоканских колхозов и кооперативов, но она оказалась мертворожденной. В проекте устава будущего Союза общин ДХМ говорилось, что Союз не только будет способствовать развитию «чувств самосознания в правовом и общественном отношении» и т. п., но и берет на себя посредничество между земледельцами, куплю и продажу машин и оборудования, земли,

семян, скота и других необходимых товаров, предоставление кредитов. Средства Союза должны были складываться из членских взносов и добровольных пожертвований. Но уже на стадии его обсуждения были серьезные нарекания с мест, что это устав не духовных, а «плотских христиан-молокан». В Устав, принятый на съезде, пункт об обязательных членских взносах включен не был, но все же остались положения об экономической деятельности Союза общин ДХМ (внешнеэкономическая деятельность, производство и реализация сельхозпродукции, открытие магазинов и лавочек и т. д.).

Вопрос об обязательных сборах не утратил актуальности до сего дня. На страницах журнала «Слово веры» последние годы развернулась широкая полемика по этому вопросу. Для молоканских пресвитеров и активистов движения оказалось важнее остаться вне каких-либо подозрений в корысти и избежать возможных упреков в том, что они служат «ради обогащения или даже ради легкой добычи хлеба насущного»⁴, чем создать экономическую базу для дальнейшей работы Союза общин ДХМ.

Духоборцы и молокане в силу своих религиозных установок не знали, что такое десятина в пользу их церкви, оплата труда пресвитера или кого-то из старцев, певчих. Добровольные пожертвования всегда делались так, чтобы никто не видел, кто сколько жертвует. Материальное, земное вторгалось в духовную жизнь, но одни не хотели считаться с требованиями времени, а другие не знали, как совместить то и другое. Это противоречие между традицией и назревшей необходимостью так и не удалось преодолеть.

К сожалению, в начале 90-х молокане передоверили свои материальные проблемы И. Александрову, а ростовские духоборцы — Ю. Крыжановскому. На бумаге за подписью последнего выросли несуществующие «Генеральное строящееся предприятие» и «Комитет по переселению духоборцев в Ростовскую область». Начались аферы со средствами, выделенными Комитету опять же в лице Ю. Крыжановского. Нарекания в нарушении финансовой дисциплины были со стороны молокан и в адрес И. Александрова. Безусловно, подобные факты дискредитировала саму идею экономической деятельности молоканских и духоборческих организаций.

Острый недостаток средств значительно затруднил и продолжает затруднять организационную работу. Рассчитывать на сис-

тематическое поступление пожертвований не приходится, так как подавляющее большинство верующих — пенсионеры, т. е. люди несостоятельные, зачастую просто нищие. Американские и австралийские молокане и канадские духоворцы периодически помогали своим российским единоверцам, но эти субсидии, зачастую предоставляемые в виде гуманитарной помощи вещами и продуктами, не решали проблему. Правда, американские и австралийские молокане выделяли средства на организацию съездов, на издание журналов, строительство молитвенного дома в Ставропольском крае, но сами они не богаты, и эта помощь не идет ни в какое сравнение с солидными вливаниями, которые делают зарубежные адвентистская или баптистская церкви своим единоверцам.

Деятельность молоканских и духоворческих в прошлом колхозов, ныне получивших статус «общин» и «товариществ», не является экономической деятельностью религиозных организаций. Если они что-то и выделяют религиозным общинам или центральным организациям, то это не обязательный взнос, а добровольная помощь, причем чаще всего направленная на поддержку культурных инициатив. Например, небольшие средства время от времени выделял в распоряжение Совета духоворцев переселенческий духоворческий колхоз — община им. Л. Н. Толстого в Тульской области. На эти деньги была выпущена пластинка с записью духоворческих псалмов и народных песен, издано несколько номеров газеты «Вестник духоворцев».

В 90-е годы была предпринята попытка ведения экономической деятельности духовной молоканской общиной. Во время строительства молитвенного дома в селе Кочубеевское Ставропольского края молоканская религиозная община организовала производство кирпича и открыла цех по производству оконных рам и дверей и часть продукции продавала. Также был открыт маленький пошивочный цех, благодаря которому несколько женщин-молоканок получили работу, а прибыль от него шла на строительство того же дома.

После первых съездов в общинах чувствовался подъем. С целью объединения представители совета Союза общин ДХМ ездили по общинам России и СНГ. В начале 90-х годов совет Союза помогал общинам добиваться возвращения молитвенных домов, распределял по общинам литературу и гуманитарную помощь.

Активную деятельность вел совет Объединения духоборцев России, который собирался три раза в год на территории общин Ростовской и Тульской областей, Северного Кавказа, Грузии. Однако, подводя итоги деятельности этих организаций, приходится признать, что их объединительная миссия не принесла ожидаемых плодов. Центробежные силы оказались намного сильнее, чем можно было ожидать. Мигрирующие из Закавказья духоборцы и молокане, несмотря на заявления о желании поселиться в России компактными группами и сохранить свою культуру, в подавляющем большинстве разъехались по стране. Непреодолимым препятствием на пути к единству оказалась борьба за лидерство внутри сект и вместе с тем недоверие к избранным лидерам. В основе этого явления, на наш взгляд, помимо присущих всем людям слабостей, лежит характерное для молокан (а с конца XIX в. и для духоборцев) непризнание иерархического устройства духовной общины⁵. Отчасти настороженное отношение духоборцев и молокан к собственным лидерам можно объяснить еще и печальным опытом начала 90-х годов.

Осенью 1991 г. И. Александров отказался от должности старшего пресвитера и занял пост председателя совета Союза общин ДХМ. В сентябре 1993 г. было проведено два съезда: один — в селе Кочубеевском сторонниками старшего пресвитера Т. Щетинкина, другой — в Москве сторонниками И. Александрова. В 1994 г. И. Александров был окончательно отстранен от руководства Союзом. Хотя перерегистрированный 6 декабря 1994 г. с новым названием Союз общин ДХМ России продолжал существовать, восстановить прежнее единство не удалось. Последний съезд, проходивший в Тамбове в августе 1997 г., был созван не советом организации, а лидерами тамбовских молокан и был проигнорирован рядом общин, тяготеющих к объединению вокруг Т. Щетинкина и создаваемого им молоканского центра в селе Кочубеевском. В сентябре того же года Т. Щетинкин от имени совета Союза общин ДХМ тоже собрал представителей некоторых общин на «домообновление» (освящение молитвенного дома) Центрального дома молитвы Союза общин ДХМ России, которое должно было по мысли организаторов вылиться в съезд.

Процесс распада Союза общин ДХМ хорошо виден на примере издания журналов. С 1990 г. по 1994 г. в Москве под редакцией И. Александрова выходил общемолоканский журнал «Духовный

христианин», а с 1991 г. — журнал «Весть», издававшийся более четырех лет также в Москве. Оба издания были органами Союза. В 1994 г. в Москве был основан другой журнал — «Слово веры». Он мыслился как центральный и независимый от Союза общин ДХМ орган, целью которого была только проповедь Евангелия. В 1997 г. журнал с одноименным названием без согласования с редакцией «Слова веры» выпустила община села Кочубеевского. После этого московский журнал с девятого номера был переименован в «Доброго домостроителя благодати». В 1997 г. в поселке Слободка Чернского района Тульской области пресвитер молочно-канской переселенческой общины В. Тикунов выпустил два номера журнала «Млечный путь» литературно-исторического направления.

Совет Объединения духоборцев России постепенно превратился в организацию, представляющую интересы духоборцев, проживающих в Ростовской и Тульской областях. Оставшиеся в Грузии в силу экономических причин оказались с начала 90-х годов отрезанными от остальных духоборцев и не могли приезжать на заседания совета. Потом там появился свой лидер, и кавказские духоборцы, занятые проблемой выживания, совершенно отстранились от сотрудничества с советом Объединения. Весной 1997 г. внутри общины духоборцев села Гореловка в Грузии произошел раскол на экономической почве, который осложнился конфликтом части духоборцев с армянскими властями Ниноцминдского района (это район с почти моноэтническим армянским населением). Эта часть духоборцев в настоящее время вынуждена искать пути для миграции в Россию, но все переговоры с государственными ведомствами они ведут помимо Объединения духоборцев России. Иными словами, и у молочан, и у духоборцев с середины 90-х годов начался процесс децентрализации руководящих органов. Эти органы оказались невостребованными, их инициативы часто не только не находили поддержки на местах, но воспринимались как желание руководителей узурпировать власть.

Несмотря на призывы возродить духоборчество и молочанство, раздававшиеся в начале 90-х, на деле мало что изменилось. Религиозные общины духоборцев по-прежнему малочисленны и не регистрируются, так как просто не видят в этом смысла. Среди молочан тоже не наблюдается особого стремления узаконить свою

деятельность, хотя некоторые недавно возникшие общины, особенно переселенческие, юридически оформились. Продолжают регистрироваться в основном те общины, которые узаконили свою деятельность еще в годы советской власти. Для некоторых из них мотивировка остается прежней: сохранить за собой или получить молитвенный дом или хотя бы квартиру. При анкетном опросе выяснилось, что многие зарегистрированные молоканские общины не имеют постоянного места для молений, так как местные власти тянут с выделением помещения. Половина опрошенных вообще не считает, что регистрация дает им какое-либо преимущество. Среди тех, кто ответил на этот вопрос утвердительно, большинство считает, что главным преимуществом регистрации является получение общиной юридического статуса, дающего возможность вступать в диалог с представителями местной власти... опять же с целью получения помещения.

Незарегистрированные общины по-прежнему собираются в частных домах и квартирах. Они нашли возможность иметь и свой счет. Один из членов общины, обычно казначей, заводит сберегательную книжку, на которой лежат общественные деньги, и оформляет завещание на имя другого члена общины. Этот вариант «расчетного счета» достаточно распространен и в других конфессиях.

Несмотря на то, что у молокан и духоборцев еще свежи воспоминания о репрессиях, сейчас редко кто отказ от регистрации мотивирует опасением их возобновления. Прежде всего это можно объяснить, как и прежде, отсутствием какой-либо деятельности, кроме традиционных молитвенных собраний.

Никаких радикальных изменений в возрастном составе молоканских и духоборческих духовных общин за 90-е годы не произошло. Опыта какой-то специальной работы с детьми и молодежью ни у молокан, ни у духоборцев не было. Раньше дети росли в религиозной среде, и с детства родители обучали их псалмам, молокане приобщали и к чтению Библии. Все было органично и естественно. В советское время атеистическое воспитание в школе у большинства совершенно отбивало желание приобщиться к вере отцов, хотя после ухода на пенсию некоторая, безусловно, меньшая часть людей возвращалась к своим истокам. Несомненно, большую роль сыграл официальный запрет на миссионерскую деятельность религиозных организаций. Даже в селах, целиком

состоящих из молокан и духоборцев, где раньше было много детей и молодежи, старшее поколение не пыталось привлечь их к религиозной жизни общин. На вопрос о причинах сложившейся ситуации старики обычно отвечали, что к Богу насильно не приведешь.

Демократизация общественной жизни и снятие запретов на деятельность религиозных организаций, казалось бы, должны были изменить отношение к миссионерской деятельности, особенно с целью привлечения молодежи. Молокане раньше, чем духоборцы, забили тревогу по поводу отсутствия у них молодого пополнения. Привлекать молодежь в собрания, открывать воскресные школы для детей с первых номеров призывал журнал «Духовный христианин». В информационном листке «Весть» Цахкадзорская община молокан (Армения) сообщила об открытии детской воскресной школы и призывала остальных последовать этому примеру⁶. С первого же года работы совет Союза общин ДХМ поставил на повестку дня вопрос о молодежи. Старший пресвитер Союза Т. Щетинкин обратился к женщинам со страниц «Духовного христианина», призывая воспитывать детей в молоканской вере: «...весь живой человеческий мир воспитывается у вас на руках, и те слова, которые слышат дети, они их впитывают с грудным молоком»⁷.

Однако в настоящее время во многих местах компактного проживания молокан детей и молодежи просто-напросто нет. В других общинах не оказалось помещения или человека, желающего взять на себя этот труд. Тем не менее несколько воскресных школ существует. В некоторых общинах верующие по праздникам приводят внуков, которым старцы толкуют св. Писание. На съезд в Целинском районе в 1994 г. были приглашены дети из местных воскресных школ и из села Кочубеевского, которые продемонстрировали свое умение петь псалмы. Воскресная школа в Кочубеевском успешно работает уже несколько лет. Учительница, которая ведет занятия, 30 лет проработала в детском саду и умеет заинтересовать детей.

Проблеме духовного возрождения детей и молодежи был посвящен Тамбовский съезд 1997 г. В обращении съезда ко всем молоканам говорилось: «Наконец-то мы осознали, что без молодежного движения не будет будущего. Наконец-то мы осознали свою ответственность за наших детей». На съезде работала

молодежная группа, которая предложила программу действий: создание журнала, семинары для молодежи, организацию летнего лагеря и выработку новой формы проведения собраний, в которых бы участвовала молодежь. В выступлениях некоторых пресвитеров прямо говорилось, что если в ближайшее время ничего не сделать, то молоканство просто выродится. Тем не менее съезд закончился ничем, так как, когда надо было принять заключительное решение, старейшие пресвитеры, авторитет которых очень высок в молоканстве, предложили не принимать резолюций, а объявить по всем общинам пост и молитву, и Господь все устроит сам. Такой подход, совершенно естественный с точки зрения глубоко верующего человека, вряд ли будет способствовать успеху дела.

Проблема молодежи в духоборческих духовных общинах стоит еще острее в силу значительно меньшей религиозности этой группы и ее малочисленности. Уже несколько десятилетий духоборческие моления не посещают даже люди среднего возраста. В селе Архангельском, куда как раз переселились главным образом люди среднего возраста и молодежь, состав молитвенного собрания значительно помолодел. Женщины 50—60 лет, которые раньше не ходили на моления, собираются, разучивают псалмы. Но делают они это скорее для поддержания традиции, исполнения необходимых обрядов при похоронах, чем от глубокой религиозности.

Вопрос о молодежи стоял в 1996 г. на расширенном заседании совета Объединения духоборцев России. Реализуя его решения, духоборцы Архангельского организовали у себя на базе общеобразовательной школы воскресную. Одна из преподавательниц взялась читать цикл лекций по истории и вероучению секты для старших классов. Планируется, что ребята будут учить псалмы и стихишки, но по сути дела речь идет не о привлечении детей к духовной жизни общины, а об изучении культурного наследия предков. Вся работа духоборцев с молодежью выливается как раз в такие культуроведческие формы. Одна из инициаторов культурного возрождения духоборчества в Ростовской области писала в газете «Вестник духоборцев», издающейся в г. Чернь Тульской области, что нельзя называть себя духоборцем, если «не знать ни одного псалма, историю предков, установившиеся духоборческие ритуалы, обычаи»⁸. Для приобщения к традиционной куль-

туре потомки духоборцев, живущие в Ростове, собираются в краеведческом музее, где есть духоборческая экспозиция, поют псалмы и стихишки. Однажды на Троицу в старинных костюмах эта группа с пением под аплодисменты прохожих прошла по улицам города. Все это нельзя не приветствовать, но в таких этноконфессиональных группах нельзя возродить культуру, традиции без религии, иначе вся работа выльется в создание фольклорных ансамблей, что, собственно, мы и наблюдаем.

Проблема увеличения численности этих сект и их омоложения могла бы быть решена за счет привлечения новых членов не из духоборческой и молоканской среды, а со стороны. Но такой подход противоречит традиции, в соответствии с которой стать духоборцем или молоканином можно только по рождению. Сложилось это исторически. В Таврии и в Закавказье религиозные общины превратились еще и в земельные, и им было невыгодно расширяться за счет притока людей извне. Молокане во внутренних губерниях России были поставлены в такие условия, при которых сколько-нибудь активная миссионерская деятельность была просто невозможна.

В совете Союза общин ДХМ одно время существовала миссионерская группа, которая, правда, так ничего и не сделала в направлении распространения молоканского учения. Очень уважаемый среди молокан старец из Воронежа, упрекая единоверцев в бездействии, писал на страницах «Слова веры», что настал час, когда надо «включиться в активную проповедь Благой вести среди окружающих вас людей: в ваших собраниях, через проповедь и пение псалмов; в повседневной жизни, через добрые дела и милосердие к окружающим, чтобы увидели “народы правду твою и все цари — славу твою” (Ис. 52:2)»⁹.

Привлекать со стороны, как признался один из лидеров тамбовских молокан, еще и «смелости и твердости духа не хватает», так как новичка нечем увлечь, и те, кто и приходит, сразу же охладевают, им становится тягостно, неинтересно и скучно¹⁰. Действительно, неоднократно приходилось слышать мнения, что проповеди молоканских пресвитеров совершенно не отвечают духовным запросам людей нынешнего времени. Подавляющее большинство пресвитеров — это люди весьма преклонного возраста, малограмотные, а верующим, особенно из городских общин и тем более молодым, отличного знания Библии, чем всегда

отличались молоканские пресвитеры, уже недостаточно. Многие, посещая молоканские собрания, ходят еще и на собрания баптистов или адвентистов, мотивируя это тем, что там они полнее удовлетворяют свои религиозные запросы.

В нашем распоряжении есть направленное в адрес Тамбовского съезда письмо от молодого, активного, думающего молоканина из Рязани, в котором он дал очень верный анализ ситуации, сложившейся в секте. Он призывал не ждать, пока в духовную общину придут потомки молокан, а идти и проповедовать среди других конфессий, не держаться за «чистоту учения», а сделать молоканство современным, шагнуть из XVIII в XXI в. В письме была изложена программа действий, но ее никто даже не стал обсуждать.

Некоторые старцы связывают упадок молоканства с отсутствием финансов. Один из них писал в упомянутый журнал, что без десятины в пользу церкви существование ДХМ будет печальным: «О, если бы наши общины были бы более или менее побогаче и погостеприимнее, сколько бы душ они приобрели!». И отчасти это верно, но нищета не только не позволяет развернуть широкую миссионерскую работу, она толкает наименее убежденных в истинности своей веры в другие церкви. Отток молокан к баптистам был издавна, но последние годы он шел очень сильно, и не только к баптистам, но и к адвентистам, иеговистам. Немаловажную роль в этом явлении последние годы играло не только духовное, но и материальное начало. В этих сектах чуть ли не каждый месяц раздавали гуманитарную помощь. Пресвитер одной из тбилисских общин в разговоре сетовал, что экономические трудности подорвали стойкость и преданность собратий молоканской вере. Современные материальные проблемы еще сильнее выявили неблагополучие в духовной общине молокан, ослабление религиозности среди части ее членов.

Что же касается духоборцев, то вопрос о миссионерской деятельности никогда даже не вставал в их среде. Главная причина того, что проблема пополнения сект так и осталась нерешенной, на наш взгляд заключается прежде всего в отсутствии как у старшего поколения, так и у молодежи действительно серьезного желания что-то делать в этом направлении.

Подавляющее большинство тех, с кем мне довелось беседовать (а это и рядовые духоборцы и молокане, и их руководители), не

осознают свои специфические групповые интересы, которые они должны бы декларировать и отстаивать перед государством и обществом. При анкетном опросе молокан выяснилось, что от государства, по их мнению, требуется только законодательное обеспечение равенства всех «невредных» для общества конфессий. Безусловно, и духоборцам, и молоканам не безразлично их правовое положение, отношение к ним государства, но складывается впечатление, что все дискуссии, которые развернулись в 1997 г. по поводу закона «О свободе совести и религиозных объединениях», их как бы не касались. В разговоре с пресвитерами на молочанском съезде в Тамбове выяснилось, что никто из них даже не интересуется этим законом, никто не попытался хотя бы поднять вопросы, важные для духовной жизни этой конфессии. Руководители духоборцев тоже не сочли нужным прочитать его проект.

Если исходить из учения этих сект и их исторического опыта, самым что ни есть религиозным требованием, отражающим уровень их религиозности и конфессионального самосознания, является требование освобождения от воинской повинности.

До конца 20-х годов члены этих сект освобождались от службы в армии. Под нажимом советской власти на Ахалкалакском съезде сектантов Закавказья в 1929 г. они согласились служить. В годы Великой Отечественной войны и те, и другие наравне со всеми защищали родину, а позже из среды духоборцев и молокан выходили даже профессиональные военные. Последние годы представителей этих сект, учение которых запрещает участие в насилии¹¹, приглашали на заседания и совещания в общественные и государственные организации, занимающиеся изучением вопроса об альтернативной службе по религиозным убеждениям. Они посещали эти заседания, но сами никакой инициативы не проявляли. 75% опрошенных мной молокан (в основном пресвитеров) старшего возраста — 65 лет и выше — на вопрос о воинской повинности ответили, что молокане должны служить наравне со всеми. Только 8% опрошенных заявили, что молокане по своим убеждениям вообще не должны служить, а остальные видят выход в альтернативной службе. Некоторые ответы хотелось бы процитировать. «Мы — русский народ и обязаны служить там, где потребует Родина», — написал в анкете молочанский пресвитер 66 лет. Другой пресвитер более старшего возраста

ответил так: «Должны служить в армии все юноши и даже часть девушек. Любовь к Родине, защита Отечества — это и защита своего вероисповедания...». А вот верующие представители среднего поколения почти все высказались за альтернативную службу. Однако в разговоре выяснилось, что это продиктовано не религиозными установками, а социально-политическими, и прежде всего недостатками армии, отрицательным отношением к ней, которое сложилось под влиянием средств массовой информации.

Те духоборцы, которые когда-то отказались от службы в армии и сожгли свое оружие, выехали в конце XIX в. в Канаду. Оставшиеся в России пошли на компромисс с государством. С конца 20-х годов вопрос об освобождении от службы в армии в этой секте никогда не вставал. Совет Объединения духоборцев России этот вопрос поднимать вообще отказался. И если кто-то из современной молодежи и выказывает нежелание идти служить, то отнюдь не по религиозным мотивам. Достаточно сказать, что указанный совет возглавляет полковник в отставке.

Изменения, произошедшие в 90-е годы в самосознании духоборцев и молокан, хорошо видны также на примере отношения к православной церкви. Среди их потомков, уехавших в города, и раньше встречались крещенные в православие. Обычно это дети от браков с православными или женщины, вышедшие замуж за православных и живущие в семье мужа. Но в 90-е годы некоторые молокане, проживающие в городах Закавказья, крестились у православных священников для того, чтобы подчеркнуть свое этническое (русское) происхождение. Прежняя религиозная неприязнь, не сильная, но все-таки осязаемая, когда разговор касался православной церкви, в настоящее время значительно стухала. Отношение верующих этих конфессий к православной церкви сейчас правильнее было бы назвать настороженным. Трудно представить, чтобы еще десять лет назад духоборцы или молокане изъявили желание чем-то помочь ей. Но сейчас есть и такие случаи, когда, например, община духоборцев села Гореловка в Грузии неоднократно помогала продуктами Святоольгинскому монастырю или посылала продукты в русскую православную церковь в Тбилиси для раздачи прихожанам. Свои действия руководители общины мотивировали тем, что они прежде всего русские и хотели помочь своим, оказавшимся в тяжелом экономическом положении.

Нарекания духовборцев и молокан вызывает то, что православная религия все больше, по их мнению, приобретает неофициальный статус государственной, но эти претензии скорее обращены к государству, чем к самой церкви.

Уже давно и в помине нет былого неприятия земных властей. Отношение молокан и духовборцев к власти можно, пожалуй, выразить следующим образом: «не мешают — и слава Богу». В информационном сообщении о состоявшейся регистрации Союза общин ДХМ России в декабре 1994 г. говорилось: «Возблагодарим Господа за расположение всех властей к нам, не препятствующих совершать молитвы и прошения, как о себе, так и за весь род человеческий...»¹². Никаких иллюзий и надежд на помощь государства в возрождении своей культуры у них нет, хотя отношение местной администрации к сектам молокан и духовборцев в последнее десятилетие заметно изменилось в лучшую сторону.

В начале 90-х годов в связи с вынужденной миграцией об обеих сектах много писали в центральной прессе, им было посвящено несколько телевизионных передач. В результате сформировалось положительное общественное мнение об этих группах, появился интерес к их истории и культуре. Их духовность стали не только ценить, но даже несколько преувеличивать. Показательно в этом отношении обращение администрации Целинского района Ростовской области к Союзу общин ДХМ после проведения на территории района четвертого молоканского съезда. В нем говорилось, что участники съезда «...продемонстрировали добрую волю возрождения молоканства в России, что неизбежно плодотворно влияет на общее духовное, моральное состояние общества. Можно без преувеличения сказать, что работа, проводимая вами, занимает достойное место в процессе возрождения и поддержания движения духовных христиан-молокан в Целинском районе и в целом по России, затрагивая историческое прошлое и общие духовные ценности»¹³. Администрации целого ряда нечерноземных районов выражали желание принять духовборцев и молокан из Закавказья.

Оглядываясь назад, на проблемы, которые стояли перед духовборцами и молоканами в конце 80-х годов, приходится признать, что ни одна из них не была решена. Более того, сегодня можно говорить о том, что механизм, позволявший таким общностям долгое время сохранять единство и функционировать, сломан.

Вместо возрождения конфессионального самосознания в 90-е годы продолжался процесс его затухания. Большая часть постоянных молокан и подавляющее большинство духоборцев (называющих себя таковыми) идентифицируют себя не по общности религии, а по общности исторического прошлого и культуры, которая, в свою очередь, в значительной степени утратила религиозную основу. И если у молокан религиозные вопросы поднимаются на съездах и на страницах журналов, а должность старшего пресвитера занимает человек, известный своей религиозностью и знанием молоканских догматов, то у духоборцев религиозные вопросы вообще уже давно не обсуждаются, а созданный ими совет Объединения духоборцев — организация сугубо светская и возглавляет ее человек светский. Духоборческие общины скорее напоминают землячества, чем религиозную секту.

Переселения, вызванные распадом СССР и национальными конфликтами, нанесли этим этноконфессиональным группам очень тяжелый удар. Распылившись по стране среди русского населения, кавказские духоборцы и молокане, до недавнего времени являвшиеся хранителями наследия предков, постепенно будут ассимилированы русскими. И вряд ли кто-либо сможет затормозить этот процесс.

Данный историей шанс на возрождение остался не использованным.

Примечания

¹ Ниже речь в статье идет только о постоянных молоканах, т. е. последователях Уклеина, придерживающихся его обрядника.

² Среди духоборцев и молокан были представители разных народов, но большинство их было русскими по национальности.

³ Необходимо уточнить, что мы имеем в виду, говоря о молоканской и духоборческой общинах. Понятие «община» применяется в отношении этих сект двояко. С одной стороны, это группы людей, посещающих молитвенные собрания и соблюдающих все религиозные обряды. Но, с другой стороны, если это компактное поселение духоборцев или молокан (например, закавказских), то о всем селе обычно говорят как об общине, так как независимо от степени религиозности все в той или иной мере принимают участие в коллективных или семейных религиозных обрядах, хотя и там есть ядро из наиболее убежденных верующих — духовная община, контролирующая социальное поведение и жизненный уклад даже неверующих односельчан.

⁴ *Петров С. П.* Нужны ли в молоканстве наемные служители // Слово веры. — 1996. — № 6.

⁵ У духоборцев последним духовным лидером, признанным всеми духоборцами, была Лукерья Калмыкова, умершая в 1886 г. Подчинение ей было основано на глубочайшей вере в ее божественность. Духоборцы, выехавшие в 1898—1899 гг. в Канаду, считали своим лидером П. Веригина. Оставшиеся в России уже не имели духовного вождя.

⁶ *Весть ДХМ.* — 1991. — № 4.

⁷ *Духовный христианин.* — 1992. — № 1. — С. 64.

⁸ *Лаухина Л.* Каждый и все вместе возродим духоборчество // Вестник духоборцев. — 1993. — 30 окт.

⁹ *Петров П. А.* Обращение ко всем духовным христианам-молоканам // Слово веры. — 1995. — № 5.

¹⁰ *Петров С. П.* О нашей тамбовской общине духовных христиан-молокан // Слово веры. — 1994. — № 1.

¹¹ *Иникова С. А.* История пацифистского движения в секте духоборцев (XVIII—XX вв.) // Долгий путь российского пацифизма. — М., 1997.

¹² *Весть.* — 1995. — № 1.

¹³ *Нам пишут* // Слово веры. — 1995. — № 3.